

С. Н. Гуськов
(ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург)

О СЛУЖЕБНОМ И ТВОРЧЕСКОМ У ГОНЧАРОВА*

Согласно последнему формулярному списку, Иван Александрович Гончаров находился на государственной службе более тридцати лет: с 1835 по 1867 г. с перерывом в 1861—1862 гг.¹ Служба его проходила в Министерстве финансов, Министерстве просвещения и Министерстве внутренних дел. Карьера Гончарова пошла в гору в 1850-е, после его участия в экспедиции под началом вице-адмирала Е. В. Путятина.² В 1860-х Гончаров занимал высокие должности главного редактора правительственной газеты «Северная почта», члена Совета министра по делам книгопечатания, затем — члена Совета Главного управления по делам печати. Открывались ему и еще более серьезные карьерные перспективы: в 1859 г. Гончарову предлагали пост главы канцелярии «Bureau de la presse» — неосуществившегося правительственного учреждения для нравственного воздействия на литературу,³

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00264.

¹ См.: *Суперанский М. Ф.* Материалы для биографии И. А. Гончарова // *Огни: История и литература*. Пг., 1916. Кн. 1. С. 176—178.

² Там же. С. 177.

³ См. письмо П. А. Плетнева П. А. Вяземскому от 13 (25) февраля 1859 г.: *Плетнев П. А.* Сочинения и переписка: В 3 т. СПб., 1885. Т. 3. С. 473.

а в 1860 г. обсуждалось на самом высоком уровне назначение Гончарова на должность председателя Петербургского цензурного комитета.⁴ Оба эти назначения по разным причинам не состоялись, тем не менее карьера Гончарова выглядит впечатляюще: писатель, происходивший, как известно, «из купеческих детей», вышел в отставку в конце 1867 г. в чине действительного статского советника.⁵

Но у Гончарова, как мы прекрасно знаем, был и другой жизненный путь. «Неслыханный»,⁶ как писали современники, успех романа «Обыкновенная история» (высочайшая оценка В. Г. Белинского, публикация в «Современнике» и семь переизданий еще при жизни), благожелательные отзывы на книгу «Фрегат „Паллада“» и роман «Обломов». Критика уже в 1861 г. констатировала: «Гончаров написал <...> два капитальные романа: „Обыкновенную историю“ и „Обломова“. Первый из этих романов сразу поставил его в ряды первоклассных русских литераторов, и его „Очерки кругосветного плаванья“ и „Обломов“ были встречены журналами и публикою с такою радостью, с какою редко встречаются на Руси литературные произведения».⁷

Каким образом осуществилось в одной судьбе успешное сочетание двух несходных жизненных стратегий? Каким образом оказались для Гончарова возможными и блестящая карьера чиновника, и путь одного из первых русских романистов?

О соотношении служебного и творческого в жизни Гончарова (как, впрочем, и в жизни других служащих писателей) существует распространенное и очень просто сформулированное мнение. Суть его в том, что писатель всегда служит вынужденно, для за-

⁴ См. об этом: *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2014. Т. 10. С. 431—432.

⁵ См.: *Суперанский М. Ф.* Указ. соч. С. 176—178.

⁶ *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 634 (из письма Белинского к В. П. Боткину от 15—17 марта 1847 г.).

⁷ *Писарев Д. И.* Из статьи «Писемский, Тургенев и Гончаров. (Сочинения А. Ф. Писемского, т. I и II. Сочинения И. С. Тургенева)» // *И. А. Гончаров в русской критике: Сб. ст. М., 1958. С. 120.*

работка, служебные занятия отнимают драгоценное время, являются серьезной помехой творчеству и что если бы не служба, то писатель (в нашем случае Гончаров) написал бы гораздо больше и лучше. Службу и творчество противопоставлял сам Гончаров («...хотелось мне всегда и призван я был *писать*, а между тем должен был служить»⁸), а впоследствии негативную роль службы в его творческой судьбе отмечали и некоторые биографы: «К условиям творчества Гончарова надо отнести отсутствие полной свободы для литературных занятий. Он не был обеспечен материально, как Толстой и Тургенев <...>. Поэтому ему приходилось служить и, следовательно, отдавать значительную часть своего времени государственной службе».⁹ Суммируя целый ряд похожих утверждений, Б. М. Энгельгардт написал: «Служба была вечной язвой, разъедавшей его существование...»¹⁰

Нет оснований сомневаться в том, что Гончаров служил по необходимости и часто службой тяготился. Сохранились, как видим, и соответствующие эпистолярные свидетельства. Но столь же очевидно, что такого рода характеристики слишком поверхностно описывают соотношение служебного и творческого в жизни Гончарова. Если мы обратимся к фактам биографии писателя, то увидим, что чиновник и писатель — две стороны его личности — поначалу сосуществуют вполне гармонично. В 1835 г., еще всерьез не помышляя о литературе, Гончаров вместе с семьей только что отставленного симбирского губернатора А. М. Загряжского¹¹ приезжает

⁸ Из письма И. А. Гончарова к А. А. Толстой от 14 апреля 1874 г. // И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования. М., 2000. С. 416. (Лит. наследство. Т. 102).

⁹ Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 242—243.

¹⁰ Энгельгардт Б. М. «Путешествие вокруг света И. Обломова»: Главы из неизданной монографии / Публ. Т. И. Орнатской // И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования. С. 29.

¹¹ Новые данные о его роли в судьбе Гончарова см.: Гуськов С. Н. Как жандармы Гончарова спасли // Русская литература. 2016. № 4. С. 70—84.

в Петербург и, видимо, благодаря кому-то из знакомых Загряжского (кто это был, неясно)¹² поступает в департамент внешней торговли Министерства финансов. Среди чиновников этого ведомства очень много литераторов: должность вице-директора департамента занимает поэт, друг Пушкина, П. А. Вяземский, директором канцелярии служит А. М. Княжевич, вместе с двумя своими братьями близкий к «Арзамасу» и издававший еще в 1820-е гг. библиотеку переводов, здесь же на должности секретаря министра финансов обретается будущий поэт В. Г. Бенедиктов и др. Благодаря службе Гончаров приобретает обширный круг литературных знакомств, в том числе становится завсегдатаем в доме Майковых, где в рукописных журналах появляются его первые дошедшие до нас литературные произведения.

Служивцы и знакомые чиновники часто становятся прототипами героев Гончарова. Так, в воспоминаниях современника утверждается, что «героем для повести Гончарова послужил его покойный начальник Владимир Андреевич Солоницын и Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский, брат которого, Михаил Парфенович, бывший с нами в университете и знакомый Ивана Александровича, близко познакомил автора с этой личностью. Из двух героев, положительных и черствых, притом не последних эгоистов, мечтавших только о том, как бы выйти в люди, составить капитал и сделать хорошую партию, Иван Александрович выкроил своего главного героя».¹³ Н. Г. Евстратов позднее отметит, что названия статей, перевод которых был заказан Александру Адуеву, похожи на заголовки в отделе сельского хозяйства «Журнала Министерства государственных имуществ», редактором которого и был А. П. Заблоцкий-Десятовский, известный экономист, часто бывавший

¹² Новую версию этих событий см.: Царев А. А. Канцелярский чиновник Гончаров // Культура и время. 2013. № 2. С. 151—155.

¹³ Старчевский А. В. Один из забытых журналистов: (Из воспоминаний старого литератора): (Отрывок) // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. С. 54.

в доме Майковых.¹⁴ А. Б. Муратов полагал, что образы Петра Адуева и Штольца могли появиться только благодаря широкому знакомству Гончарова в силу его служебных обязанностей с деятельностью русских предпринимателей и высших чиновников.¹⁵

Вообще служебное, чиновничье окружение Гончарова и влияние этого окружения на литературную деятельность писателя изучены недостаточно. Отчасти эта тема уже исследовалась, например, в работах Б. М. Энгельгардта¹⁶ и Т. И. Орнатской,¹⁷ посвященных кают-компания фрегата «Паллада». В то же время отношения Гончарова с такими его сослуживцами, как П. А. Вяземский, А. С. Норов, А. В. Никитенко, П. А. Валуев, практически не исследованы. Соответственно, не существует и справочника, аналогичного словарям окружения А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и некоторых других писателей.¹⁸ А между тем для воссоздания творческого и служебного контекста биографии Гончарова такой справочник был бы необходим.

Впрочем, прототипами дело не ограничивалось — служба Гончарова предопределила и другие особенности его творчества, и особое его место в литературе.

Уже отмечалось, что Гончаров «изображает героя-чиновника совсем иначе, чем это было в традиции русской литературы. У Гончарова чиновник — не „крапивное семя“ сатир и комедий

¹⁴ *Евстратов Н. Г.* Гончаров на путях к роману: (К характеристике раннего творчества) // Уч. зап. Урал. пед. ин-та им. А. С. Пушкина. Уральск, 1955. Т. 2, вып. 6. С. 178.

¹⁵ *Муратов А. Б.* И. А. Гончаров в Министерстве финансов // И. А. Гончаров: (Новые материалы о жизни и творчестве писателя). Ульяновск, 1976. С. 38.

¹⁶ *Энгельгардт Б. М.* <Кают-компания фрегата «Паллада»>: (Из первой редакции монографии Б. М. Энгельгардта. Глава III) // И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования. С. 74—82.

¹⁷ *Орнатская Т. И.* И. А. Гончаров — член кают-компания фрегата «Паллада» // И. А. Гончаров: Материалы междунар. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 146—156.

¹⁸ См., например: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975; 2-е изд. Л., 1988; *Белов С. В.* Ф. М. Достоевский и его окружение: в 2 т. СПб., 2001.

18 века или взяточник из „Ревизора“, каких надо высмеивать, и не „униженные и оскорбленные“ Акакий Акакиевич или Макарь Девушкин, каких надо пожалеть. У Гончарова Адуев-старший — статский советник, а потом и действительный статский, накануне представления в тайные; он — директор канцелярии. Адуев-младший — коллежский советник, получает „хорошее казенное содержание“. А главное — герои-чиновники изображены как культурные люди, люди труда, делающие полезное дело, и сочувствие автора на их стороне. В этом своеобразии Гончарова. Ни Гоголь, ни Тургенев, ни Толстой так не подходили к образу чиновника».¹⁹

Конечно, нетипичный для русской литературы взгляд на чиновника связан и с особенностями художественного темперамента, с объективным отстраненным писательским взглядом (творческое кредо Гончарова — «sine ira»)²⁰. Но в первую очередь — с тем жизненным и профессиональным бэкграундом, который был получен на службе в Департаменте внешней торговли.

Давно было отмечено, что «служба ввела Гончарова в особый мир, незнакомый русским беллетристам того времени — Тургеневу, Григоровичу, Достоевскому: мир коммерческий и бюрократический. Департамент внешней торговли сосредоточивал в себе руководство международной торговлей России; здесь встречались иностранные негоцианты и крупные российские экспортеры. <...> Несомненно, здесь, в департаменте внешней торговли, мысль Гончарова впервые отчетливо осознала значение и рост русской буржуазии — не архаического провинциального торгового купечества, а буржуазии англоязычной, столичной, включенной в международные связи. Здесь подготавливалось понимание типа Адуева-старшего, понимание

¹⁹ Пиксанов Н. К. Гончаров И. А. // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. М., 1930. Т. 17: Гимназия — Горовицы. Стб. 669.

²⁰ Гончаров И. А. Необыкновенная история: (Истинные события) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Ф. Будановой // И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования. С. 270.

„всемирной торговли“, сказавшееся потом во „Фрегате «Паллада»“, здесь созревали у Гончарова мысли об Андрее Штольце».²¹

Связанный с департаментом «круг идей» находил отражение и в стилистической манере начинающего автора. Стилевое многообразие — отличительная черта гончаровской прозы, интересная в рамках заявленной темы. Функциональный стиль, который называют деловым или бюрократическим, в прозе Гончарова достаточно интенсивен. Знание речевой атмосферы чиновничьей среды, владение канцелярско-бюрократическим стилем речи применялись Гончаровым для реализации разнообразных художественных задач. На этом знании в значительной степени построен роман «Обыкновенная история» (1847), очевидно невозможный без департаментского бэкграунда. Роман может быть прочитан как взаимодействие или борьба двух стилистическо-идеологических систем: с одной стороны, «поместно-провинциальный» или «сентиментально-романтический» язык Александра Адуева, с другой — столичный деловой, практический язык его дяди, высокопоставленного чиновника Петра Адуева.²²

Достаточно показательны и другие случаи использования «департаментского языка» Гончаровым. Так, в относительно недавно найденном юмористическом очерке «Пепиньерка» (1842) определение, кто такая пепиньерка, дается следующим образом: «...пепиньерка есть девица — и не может быть не девицей, так точно и не девица не может быть пепиньеркой. <...> По крайней мере, если б по какому-нибудь случаю между пепиньерками вкралась не девица, то это была бы такая контрабанда, на которую нет ни в одном таможенном уставе довольно строгого постановления».²³ Или в другом месте: «Пепиньерская

²¹ Пиксанов Н. К. Белинский в борьбе за Гончарова // Уч. зап. ЛГУ. Л., 1941. № 76, вып. 11. С. 59—60.

²² См. об этом, например: Румянцев Б. Г. Взаимодействие стилевых систем в рамках художественного целого // Типологические категории в анализе литературного произведения как целого. Кемерово, 1993. С. 105—113.

²³ Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 514.

комната — вольный город, порто-франко, куда беспошлинно привозятся важнейшие тайны, даже городские, и где ими свободно производится меновой торг».²⁴

Упомянутые реалии появляются в тексте, потому что содержание таможенных уставов, дела, связанные с пресечением контрабанды, — все это является предметом каждодневных служебных занятий Гончарова. Собственно юмор (одна из отличительных черт Гончарова-писателя) в данном случае возникает за счет того, что изящный романтический мир институток описывается языком чиновника таможенного департамента. Похожие примеры в раннем творчестве Гончарова можно легко умножить.

Исследователь раннего творчества писателя В. П. Сомов обратил внимание на использование литературной маски чиновника в рассказе «Лихая болезнь»: «...элементы книжного, архаического и канцелярско-бюрократического стиля, разговорно-бытовой речи, характеризуя определенным образом рассказчика <...> снижают романтически-восторженную речь и служат средством компрометации образов мечтателей».²⁵ Очевидное сходство стилистического инструментария послужило ученому одним из нескольких оснований для атрибуции Гончарову текста из рукописного журнала «Подснежник» под названием «О чем Адам и Ева разговаривали в первое свидание?». Упомянутый текст целиком стилизован под канцелярско-бюрократическую речь: «Милостивый государь, почтеннейший NN! находясь вчерашнего числа в департаменте, уведомился <нрзб.> от моего сослуживца коллежского секретаря Павла Михеевича Доношеньева, что в каком-то издаваемом вами журнале, именующемся „Подснежником“, содержится между прочим запрос о предмете, сущности, ходе и дальнейших обстоятельствах у Адама с Евою, в первое их

²⁴ Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1. С. 516.

²⁵ Сомов В. П. «Редакция „Подснежника“ имеет честь предложить...» (о неизвестной пародии И. А. Гончарова) // Русская литература. 1970. № 3. С. 98.

свидание, разговора. Хотя я не обращаюсь ни в каких историях, а тем паче в таковых, сему подобных, умозрительных или гадательных предметах, равно не занимаюсь письменною частию иначе, как с приказания начальства, и всякое письменное производство не деловое, но таковое, кое у вас ученых именуется литературою, почитаю, смею доложить, за сущий вздор; но поелику вышеизъясненный запрос был одобрен и столоначальником моим Иваном Кондратьевичем, который во всем нашем департаменте известен за отличного чиновника, знающего законы: то я решился упомянутый запрос уважить моим рассуждением».²⁶

Надо сказать, что аргументация Сомова не была сочтена составителями первого тома Полного собрания Гончарова достаточно убедительной, и этот текст не попал в основной корпус текстов Гончарова.²⁷ Но меня, собственно, интересует другое, а именно то, что виртуозное владение «бюрократическим» языком послужило маркером при атрибуции шуточного отрывка Гончарову. Этот стилистический ресурс действительно очень часто используется им как в художественных, так и в эпистолярных текстах. И это тот самый случай, когда Гончаров-писатель совершенно не против Гончарова-чиновника, когда Гончаров-писатель охотно и плодотворно использует словарный запас, жизненный опыт и дискурсивные модели Гончарова-чиновника, именно за счет этого создавая оригинальный художественный текст.

Можно было бы предположить, что охотное использование «канцеляризмов» в широком смысле слова — атрибут литературного ученичества, уместный в «повестях домашнего содержания». Но это не так. Гончаров вообще, как известно, склонен к многократному использованию образа, характера,

²⁶ Там же. С. 93.

²⁷ См. об этом: *Гродецкая А. Г.* Играл ли Гончаров в «секретари»? (К атрибуции ранних текстов) // *И. А. Гончаров: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова.* Ульяновск, 2008. С. 288—291.

художественной детали, с каждым новым употреблением находя в них новые смысловые грани. Художественные приемы, непосредственно связанные со служебным опытом Гончарова, встречаются и в более поздних его текстах.

Например, в «Обломове» (1859) Гончаров применяет тот же самый прием, что и в «Пепиньерке», только разворачивает его в другую сторону (когда описывает представления Обломова о службе в категориях патриархально-идиллического топоса): «Воспитанный в недрах провинции, среди кротких и теплых нравов и обычаев родины, переходя в течение двадцати лет из объятий в объятия родных, друзей и знакомых, он до того был проникнут семейным началом, что и будущая служба представлялась ему в виде какого-то семейного занятия, вроде, например, ленивого записыванья в тетрадку прихода и расхода, как дельвал его отец.

Он полагал, что чиновники одного места составляют между собою дружную, тесную семью, неусыпно пекущуюся о взаимном спокойствии и удовольствиях, что посещение присутственного места отнюдь не есть обязательная привычка, которой надо придерживаться ежедневно, и что слякоть, жара или просто нерасположение всегда будут служить достаточными и законными предложениями к нехождению в должность. <...> О начальнике он слышал у себя дома, что это отец подчиненных, и потому составил себе самое смеющееся, самое семейное понятие об этом лице. Он его представлял себе чем-то вроде второго отца, который только и дышит тем, как бы за дело и не за дело, сплошь да рядом, награждать своих подчиненных и заботиться не только о их нуждах, но и об удовольствиях.

Илья Ильич думал, что начальник до того входит в положение своего подчиненного, что заботливо расспросит его: каково он почивал ночью, отчего у него мутные глаза и не болит ли голова?

Но он жестоко разочаровался в первый же день своей службы».²⁸

²⁸ Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1998. Т. 4. С. 55—56.

А в «Необыкновенной истории» (1875—1876) Гончаров создает фантастический образ тургеневской таможни, которая не пропускает ничего из написанного Гончаровым: «Ему, то есть Тургеневу, всего нужнее, *чтобы я не написал чего-нибудь нового, крупного*, вроде „Обломова“, „Обрыва“. Боже сохрани! Тогда вся его *хитрая механика* рушилась бы не только здесь, в глазах *союзников*, но, пожалуй, и за границею. Поэтому ему необходимо было наблюдать за мной, чтобы ничего не прошло мимо его таможни».²⁹

И в другом месте: «Как все наши *наивные люди* усердно помогали ему! Записывали и передавали все, что скажу, пересылали мои письма, даже не одному ему, но и другим, *чтоб не пропало даром сено у собаки!* Ловкая штука!

Таможня — ничего не пропускала, и если бы я писал новый большой роман, у меня из него таскали бы по частям, и тогда Тургенев написал бы опять ряд *осмысленных повестей*, вроде „Отцов и детей“, „Дыма“. А пока он через своих здешних и иностранных Бобчинских и Добчинских (вроде историка русской литературы Courgière) объявил себя *главою новой школы реальной повести*, зная, что принятые меры помешают мне написать что-нибудь и обличить его».³⁰

Похожие примеры легко умножить.

Таким образом, служебная деятельность Гончарова была источником сюжетов, образов, прототипов, характеристик, то есть была не только помехой, но и материалом, инструментом и одним из многочисленных компонентов творчества, определяющих его своеобразие и оригинальность, компонентом, без которого мы знали бы совсем другого Гончарова.

Гончаров-чиновник помогал Гончарову-писателю. Очевидно, верно и обратное: литературный дар и репутация крупного писателя во многом предопределили карьерную траекторию Гончарова. Если в департаменте внешней торговли для пере-

²⁹ Гончаров И. А. Необыкновенная история... С. 244.

³⁰ Там же. С. 224.

водов дипломатической корреспонденции первостепенно было знание иностранных языков, то для составления летописи морского похода, а также для последующих должностей (в Цензурном комитете, в правительственной газете, в Управлении по делам печати) нужно было иметь не только литературный дар, но и определенное положение в литературе. И здесь уже Гончаров-чиновник пользовался авторитетом Гончарова-писателя.

До поры до времени две разные стороны личности Гончарова и два типа жизненной стратегии не вступают в противоречие, а сосуществуют и подпитывают друг друга. Гончаров приобретает литературные знакомства благодаря службе и использует на службе свои литературные навыки.

Звездным часом этого симбиоза писателя и чиновника стало, конечно, путешествие на «Палладе». Очевидно, что не было бы никакой книги очерков «Фрегат „Паллада“», если бы младшего столоначальника Гончарова не прикомандировали к экспедиции вице-адмирала Е. В. Путятина. Хотя Гончаров описывает свое назначение на «Палладу» как цепь случайностей, он идеально подходил на роль летописца похода и идеально этой возможностью воспользовался. При этом служба повлияла не только на факт появления очерков, но и на художественные особенности произведения. Отправляясь в поход, Гончаров планировал встроить будущие путевые впечатления в уже начавшийся творческий процесс (в это время он писал роман «Обломов») и вернуться с «путешествием Обломова»: «Вот письмо к концу, скажете вы, а ничего о Лондоне, о том, что вы видели, заметили. Ничего и не будет теперь. Да разве это письмо? опять не поняли? Это вступление (даже не предисловие, то еще впереди) к *Путешествию вокруг света*, в 12 томах, с планами, чертежами, картой японских берегов, с изображением порта Джаксона, костюмов и портретов жителей Океании. *И. Обломова*».³¹

³¹ Из письма Гончарова к Е. П. и Н. А. Майковым от 20 ноября (2 декабря) 1852 г. Цит. по: *Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах / Изд. подгот. Т. И. Орнатская. Л., 1986. С. 628. (Лит. памятники).*

Однако Гончаров написал совсем другое произведение, особенности которого в значительной степени были predeterminedены его служебной функцией. Сравнивая сибирские главы «Фрегата» с рассказом Н. С. Лескова «На краю света», В. А. Туниманов со свойственной ему иронией писал: «Возможно, Гончарову просто не были известны отрицательные стороны жизни Сибири и многие трудности, которые там приходилось преодолевать русским миссионерам. Впрочем, даже если бы Гончаров о них знал, это вряд ли бы существенно повлияло на образ Сибири, начертанный в книге. Образ этот возник на основе тщательно отобранного и концептуально осмысленного материала <...> Метод Гончарова остался в сибирских главах таким же, как и в морских, где он фактически обошел все драматические эпизоды плавания <...> и даже не попытался коснуться каких-либо конфликтов и противоречий внутри того „русского мира“, частицей которого он был два года. Им нарицательно, в сущности, идеальное общество, круг „отличных, своеобразных людей и товарищей“». ³² Энгельгардт объяснял отличие реальных и описанных в очерках путешествий событий художественной природой произведения, ³³ но в не меньшей степени эта разность определялась требованиями, предъявляемыми к официальной летописи похода, секретностью экспедиции, всевозможными запретами, то есть обстоятельствами, непосредственно связанными со службой Гончарова.

Сотрудничество писателя и чиновника продолжалось, и когда Гончаров стал цензором. Об использовании материалов цензорской деятельности в качестве творческого источника романа «Обрыв» мне уже приходилось писать. ³⁴

³² Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2000. Т. 3. С. 523.

³³ См. об этом: Энгельгардт Б. М. Избранные труды. СПб., 1995. С. 225—269.

³⁴ Гуськов С. Н. Материалы цензорской деятельности Гончарова как творческий источник романа «Обрыв» // Гончаров после «Обломова»: Сб. ст.: Материалы III Междунар. Гончаровской конф. в Санкт-Петербурге. СПб.; Тверь, 2015. С. 26—39.

Драматический финал этого двойного существования наступил уже после отставки Гончарова, которую он получает в 1867 г. для завершения работы над замыслом всей жизни, романом «Обрыв». Крах симбиоза писателя и чиновника был ознаменован провалом в критике романа «Обрыв», обруганно-го всеми литературными партиями, от журнала «Дело» до «Русского вестника».³⁵ Служебная карьера Гончарова, ранее скорее способствовавшая его творчеству, в 1869 г. оказывается для писателя серьезной преградой. С одной стороны, цензорское прошлое Гончарова, его деятельность в должности члена Совета Главного управления по делам печати и участие в закрытии журнала «Русское слово» предопределили враждебное отношение к «Обрыву» изданий революционно-демократического лагеря. С другой стороны, Гончаров-чиновник в 1860-е гг. становится одним из тех, кто осуществлял государственную политику в области литературы, что накладывает жесткие ограничения (в том числе самоограничения) на его собственное творчество, подразумевая жизнь под определенным прессингом. Положение высокопоставленного чиновника обязывало к демонстрации безусловной лояльности, консерватизма и преданности государственным устоям: «Эта все усиливавшаяся личная связь с господствующим порядком в сильной мере затруднила деятельность Гончарова как писателя».³⁶

В «Необыкновенной истории» Гончаров пишет, что после романа «Обрыв» представители консервативного направления начали преследовать его за то, «что <...> не служил прямо и непосредственно, как чиновник, своими сочинениями ультра-консервативным целям <...> не вступал в открытую полемику с радикализмом, не писал статей в газетах или романов, карая нигилизм и поддерживая коренные основы общественного порядка, религии, семьи, правительства и т. д. И все это вызвало на меня бурю. <...> Никто в этом лагере

³⁵ См. об этом: Гуськов С. Н. Полемика, которой не было (из истории критики романа «Обрыв») // Русская литература. 2012. № 2. С. 80—89.

³⁶ Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950. С. 15.

даже не догадывался, что я давно все сделал по-своему, служба делу как художник, — <...> что наконец там, в романе, подержано и уважение к религии в лице Веры, и подрывается в лице Волохова радикализм — и падение женщин окупается страданием — и что, наконец, роман писан искренно, с убеждением — и притом *бескорыстно!* <...> Забывают, что у художника есть свой особенный путь, манера и что девиз его — *sine ira!*»³⁷

После 1869 г. Гончаров постоянно выступает с заявлениями о том, что его литературная карьера окончена. Формально это не совсем так. Гончаров напишет еще множество статей, фельетонов, мемуарных очерков. Но не четвертый роман. Хотя в письме к С. А. Никитенко от 26 августа (7 сентября) 1870 г. есть свидетельство о существовании замысла продолжения трилогии: «В прошлом году, в Булони, у моря, я в последний раз почувствовал было охоту начать что-то новое. Погода была великолепная, ничто меня не беспокоило, и у меня начался было развиваться план какого-то романа; стали по обыкновению являться лица, характеры, сцены, даже очертания и эпилог к „Обрыву“. Но только лишь я вернулся в нашу осень — тяжесть легла на меня, а к этому прибавились какие-то намеки, угрозы и т. п. Я окончательно упал духом — и с тех пор даже забываю, что я автор. Теперь я больной, измученный инвалид — с *idée fixe*, что мне иначе невозможно прожить жизнь, как взаперти. Да едва ли это и не правда».³⁸

Связано ли это с тем, что невозможным стало для Гончарова продуктивное сочетание служебного и литературного начал?

Не знаю, но подпись, которую Гончаров использует в письмах 1870-х гг.: «Отставной литератор и чиновник»,³⁹ — делает это предположение не таким уж невероятным.

³⁷ Гончаров И. А. Необыкновенная история... С. 269—270.

³⁸ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 430—431.

³⁹ Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938. С. 317.